

УДК 82-141

«SILENTIUM» ЭЛЛЫ КРЫЛОВОЙ: (НЕ)БУДДИЙСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Л.В. Дубаков (Шэньчжэнь, Китай)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье проводится сравнительный анализ одноименных, но существенно различающихся стихотворений Ф.И. Тютчева, О.Э. Манделъштама и Э.Н. Крыловой.

Цель статьи – анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, а также анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с имеющими схожие названия произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Манделъштама.

Методология (материалы и методы). В статье, написанной в рамках большого исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа стихотворения Э.Н. Крыловой в избранном ракурсе подготовлена работами В.Н. Топорова, Р.Ф. Бекметова, Т.В. Бернюкевич, П.В. Алексеева.

Результаты исследования. Выявляется, что, хотя каждое из анализируемых произведений имеет название «Silentium» и хотя между ними обнаруживаются определенные межтекстовые связи, на уровне проблематики они различны.

Вывод. «Silentium» Э.Н. Крыловой, претендуя на новое, опирающееся на буддийский взгляд высказывание об источнике, характере, процессе и пределе литературного творчества, тем не менее этому взгляду не следует: в отличие от буддизма, говорящего об иллюзорности реальности и о возможности лишь интуитивного ее познания, поэт утверждает превосходство реальности живых существ над их словесным отображением.

Ключевые слова: буддизм, буддийский текст, Элла Крылова, «Silentium», межтекстовые связи.

Постановка проблемы. Русская литература осмысляет буддизм, осваивает различные буддийские мотивы начиная с XIX в. Здесь прежде всего можно назвать имена Л.Н. Толстого и Н.С. Лескова. При этом акматические точки интереса отечественной словесности к буддизму приходятся на Серебряный век (это отдельные произведения К.Д. Бальмонта, В. Хлебникова, И.А. Бунина [Бернюкевич, 2018]) и на конец 1980-х и 1990-е гг. прошлого века. В современной и новейшей литературе, как и в литературе прошлого, буддизм представлен активно и многообразно. Буддизм – значимая часть художественных миров В.О. Пелевина, Л.А. Юзефовича, А.Л. Иванченко и др. В целом можно говорить о существовании «буддийского текста» русской литературы.

Понятие «буддийский текст» естественным образом «вырастает» из открытий В.Н. Топорова, который ввел в научный оборот понятие «петербургский

текста русской литературы [Топоров, 1995]. Структурно-семиотический подход, использованный Топоровым, позднее был применен также к религиозной сфере. Например, П.В. Алексеев проанализировал мусульманский текст русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х гг. [Алексеев¹, 2006], Р.Ф. Бекметов – буддийский текст как часть ориентального дискурса в истории русской литературы [Бекметов, 2018]. Буддийский текст новейшей литературы, в частности, пишется прозой и стихами. В поэзии буддийские мотивы можно обнаружить, например, в творчестве Э.В. Лимонова, Е.А. Шварц, А.А. Макушинского.

Отдельного рассмотрения в аспекте буддийского текста литературы последних десятилетий заслуживают также стихотворения поэтессы Э.Н. Крыловой. Ее восходящее к петербургской поэтической традиции многообразное и объемное стихотворное и прозаическое творчество, по выражению А. Карпенко, может быть охарактеризовано как срединный путь [Карпенко, 2012] между противоположными явлениями бытия, например, между земной и небесной жизнью, религией, преобразующей мир, и религией, мир отвергающей, аскезой и вольностью, между оптимизмом и пессимизмом в отношении к происходящему и т.д. Э.Н. Крылова – поэт широкого культурного охвата, в который свободно вмещаются религиозная философия и подробности быта, сострадание к дальним и раздражение по поводу родных. Одна из главных интенций ее творчества последних лет – приурочивание к смерти и надежда на любовную встречу с ушедшими близкими.

В представленной статье осуществляется анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, также производится анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с одноименными произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама. В статье используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Цель статьи – анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, а также анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с имеющими схожие названия произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама.

Методология (материалы и методы). В статье, написанной в рамках большого исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Обзор литературы по теме. Буддизм для Э. Крыловой – важная часть ее поэзии, но, кроме того, он стал и частью ее мировоззрения. Литературовед Э. Никадем-Малиновская написала об этом так: учение Будды оказалось «близко ее жизненной философии» [Никадем-Малиновская], а поэт и критик А. Балтин – что «дзен-буддизм увлек Эллу Гремяку еще в юности и со временем вошел

¹ Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Томск, 2006. 23 с.

в ее плоть и кровь, стал стилем жизни, способом мировосприятия» [Балтин]. При этом говорить о том, что Э.Н. Крылова – буддистка, вряд ли все же однозначно возможно. В ее поэзии проявляется скорее синкретическое и суперэкуменическое мировоззрение. В ее стихотворениях можно увидеть наличие, совмещение, смешение концепций, отдельных идей, мотивов буддизма и христианства. Крыловский буддизм представляет собой вольное осмысление этой религии, принимающее его догматику частично. Часто она видит буддизм сквозь христианскую оптику: так, в Будде она настойчиво обнаруживает черты Христа (равно как и наоборот), буддийское учение пытается скорректировать на основе христианских представлений (и опять же – наоборот). В целом в своем поэтическом творчестве она стремится сблизить две великих религии, подчеркивая сходство их этических позиций и выявляя их мистическое совпадение.

Одна из буддийских концепций, что часто оказывается в фокусе крыловского внимания и что при этом является понятой ею по-своему, – концепция циклического существования. Эту концепцию она воспринимает как буддийскую, но с поправкой на свое синкретическое и суперэкуменическое мировоззрение. Так, при наличии несомненных буддийских маркеров буддийский контекст стихотворений, циклическое существование у Крыловой – не столько обновляющийся в бесконечном кружении поток дхармочастиц сознания, сколько «перерождение» души, которая стремится к раю, будучи очарованной земной жизнью, но и готовой с нею расставаться. Циклическое существование у Крыловой также является метафорой, что раскрывает особенности характера ее лирической героини, закономерности ее судьбы, «повороты» ее жизни в различных временах и культурах.

Результаты исследования. Цикл стихотворений «Стихи о Японии» (2020) сконцентрирован на другой буддийской концепции – концепции спасения. В этом цикле лирическая героиня пребывает в воображаемом путешествии по Стране восходящего солнца, которая оказывается больше самой себя в том смысле, что оборачивается запредельным пространством. Япония у Крыловой представлена в образе красивого, поэтичного и поэтического сада («Там вишен подвенечные наряды – // лекарство от тоски по чистоте» [Крылова, 2020]); в образе священных пространств, просветляющих мир вокруг себя («...в иероглифах багряных кленов / записана душе благая весть – // парадоксальный дзэн!», «...колокол на пагоде в Киото / незыблемым прощением звенит» [Крылова, 2020]); в образе кладбища, выводящего на мысль о скоротечности земного бытия и о благодати буддийского посмертия («...верю я: в раю Амиды / мы встретимся, а может быть, в раю / Христа» [Крылова, 2020]). Лирическая героиня Крыловой путешествует по Японии, которая оказывается вариантом Западного рая будды Амиды. Она созерцает земной мир и небесных сущностей и устремляется в Чистую землю Сукхавати, также одновременно пребывает в Подмосковье и в Японии, проецируя свое сознание на образы буддийских монахов и монахинь, деревьев, что растут рядом с храмами, насекомых, которые летят навстречу небу.

Наконец, Э.Н. Крылова в своих стихотворениях размышляет о специфике буддийской гносеологии и онтологии. В русской литературе существует несколько стихотворений с названием «Silentium». Наиболее заметные из них – это «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910, 1935). При этом, как верно заметила Д.И. Черашняя, говоря о классических тютчевском и мандельштамовском текстах, «по существу в двух стихотворениях с почти одинаковым названием говорится о разных предметах. Тютчев решает проблему философскую (соотношение мысли и слова), трагически ощущая невозможность для себя лично выразить в слове мысль о своем душевном мире и быть понятым Другим. Мандельштам же говорит о природе лирики, об изначальной связи музыки и слова, отсюда – иная проблематика в его отношении к своему слову и к другому человеку» [Черашняя, 2009].

В 2012 г. Э.Н. Крылова опубликовала стихотворение с тем же названием, и так или иначе оно вступает в диалог с тютчевским и отчасти с мандельштамовским текстами. Е.И. Зейферт так обозначает подтемы «Silentium!» Тютчева: согласно поэту, человек обладает огромной внутренней вселенной со своим ландшафтом; внутренняя и внешняя вселенные исходят из Бога, также сокрытого в человеке; лирический герой стихотворения живет романтическим двоемирием, романтическим культом природы, романтическим одиночеством; его волнует «возможность/невозможность выражения “невыразимого”» и проблема коммуникации с Другим [Зейферт, 2022, с. 52]. Магистральная же тема «Silentium» Мандельштама – это «творчество, и в крупном фокусе – одна из точек диалектического процесса рождения высокохудожественного произведения» [Зейферт, 2022, с. 53].

«Silentium» Э. Крыловой – металирическое по сути стихотворение. Как Тютчев, что «приводит читателя к зоне тишины – единственно возможным корням творчества» [Зейферт, 2022, с. 54], и Мандельштам, что «одновременно пишет о рождении лирического стихотворения и лирики вообще, создавая свое произведение как сферу в сфере, показывая одну историю рождения, совпадающую с другой» [Зейферт, 2022, с. 53], она размышляет об источнике, характере, процессе и пределе словесного, литературного творчества.

Э.Н. Крылова противопоставляет искусство человека искусству Творца: человек бессилён создать по-настоящему живое и новое, потому что сам он не оригинален, так как является только подобьем Творца и вращается в реальности, облеченной в привычные концепты: человек воспринимает и «создает» не живые и новые «леса и горы, птиц, зверей» [Крылова, 2012], но лишь их устоявшиеся словесные проекции, – и проявленный в древних стихотворных размерах ритм также не может оживить эти слова и эту реальность, поскольку он устарел.

Крыловское стихотворение отсылает к чань-буддийской притче о том, как Будда Шакьямуни произнес перед Своими учениками проповедь, не используя слов и лишь держа перед ними цветок. Эта проповедь – буддийский урок о внеконцептуальной природе истинной реальности и о внеконцептуальном способе передачи знания: «...и вместо проповеди долгой / с улыбкой показал цветок»

[Крылова, 2012]. При этом нужно отметить, что хотя Будда показал ученикам цветок, Он мог показать им и любой иной предмет, равно как и ни показать никакого: представляется, что для буддизма здесь важен не конкретный феномен (ибо любой из них иллюзорен в том смысле, что лишен своебытийности), но значим сделанный Буддой акцент на особой иллюзорности концептуальной реальности.

Как и для Ф.И. Тютчева, для Э.Н. Крыловой «мысль изреченная есть ложь», но эта ложь существует для нее на фоне правды – истины божественного творчества (или неупомянутого в стихотворении Слова), которое воплощено не в человеческих словах, а в растениях и живых существах – в их плоти и их духе: «Взамен романов, од – ромашки / цветут на письменном столе», «дух в каждом расцветет в свой срок» [Крылова, 2012]. Интересно, однако, что в первой строке стихотворения с точки зрения буддизма на самом деле не только не происходит сущностной замены: роман и ромашка суть одинаковые феномены, равно не существующие объективно, – но и формально ничего не меняется: их названия восходят к одному корню – Риму. Таким образом, молчание Будды и молчание крыловского «Silentium» имеют не совпадающий полностью смысл.

Е.И. Зейферт пишет, что «процесс создания художественного произведения неизменно переживает три стадии: молчание (дословесная фаза) – говорение (словесная фаза) – молчание (послеловесная фаза). На первой стадии молчит, настаивается «дословесное», на второй – словами вычерпывается рожденное на дословесной фазе произведение, на третьей – красноречиво молчит «послеловесное», не сказанное автором и воображаемое читателем» [Зейферт, 2022, с. 53]. Как и О.Э. Мандельштам, Э.Н. Крылова задумывается о молчании поэта, но, в отличие от мандельштамовского текста, указывающего на необходимость своевременного, созревшего перехода от дословесной стадии к двум последующим, она предлагает осуществить «скачок» сразу к третьей стадии, где смысл внутренне сотворенного, порожденного обретается вне слов, посредством «интуитивного прозрения» [Зейферт, 2017, с. 8].

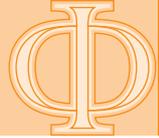
Выводы. Э.Н. Крылова, называя стихотворение «Silentium» и используя четырехстопный ямб, вступает в диалог с двумя классическими текстами – тютчевским и мандельштамовским. Ее произведение одновременно тематически отсылает к обоим, отличающимся друг от друга стихотворениям, и не совпадает с ними. В металирическом произведении, обращенном к себе и к собратьям-поэтам, Э.Н. Крылова по-своему разрабатывает тему молчания. Модус ее обращения – не императивный призыв, но сомнение в возможности подлинного, живого словесного творчества как такового. Это не тютчевское мучение из-за стремления выразить и сообщить Другому невыразимое и из-за невозможности этого, а сомнение в жизненной энергии самих земных слов безотносительно возможной коммуникации с Другим: истинное творчество, по ее мнению, доступно единственно только Творцу, Богу, и оно происходит за пределами слов. Это также не мандельштамовский стыд за несовершенство собственных творений и желание замедлить, усовершенствовать переход от дословесного к словесному,

а отказ от словесного творчества: любое такое творчество несовершенно, потому искусство может реализовываться лишь во внесловесной сфере и сообщаться Другому только интуитивно.

Заключение. Э.Н. Крылова упоминает в финале своего «Silentium» Будду Шакьямуни и намекает на Его Цветочную проповедь, но оказывается удалена и от буддийского взгляда. Не говоря о том, что в буддизме отрицается существование Бога-творца [Нагарджуна, 2018], представленное в стихотворении истолкование Проповеди о цветке также не кажется верным. Молчание Будды связано с утверждением возможности говорить «от сердца к сердцу» (заметим, там, где романтик Ф.И. Тютчев задал вопрос, Будда прежде дал на него ответ) и с мыслью об искажении истинной природы реальности концептами и омраченным, не принимающим таковость восприятием, а не с тем, что реальность живого существа однозначно реальна и сущностно превосходит его словесное отображение.

Библиографический список

1. Балтин А. Лучение стихов Эллы Гремяки // 45-я параллель: сайт. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/index.html#creation (дата обращения: 20.10.2024).
2. Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с.
3. Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с.
4. Зейферт Е.И. Два молчания: «Silentium!» Тютчева и «Silentium» Мандельштама // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 51–55.
5. Зейферт Е.И. Объемность (многомерность) произведения. Есть ли у произведения начало и финал? // Вестник РГГУ. 2017. № 2. С. 7–18. EDN: ZAOXWP
6. Карпенко А. Срединный путь Эллы Крыловой // Зинзивер. 2012. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/8/sredinnyj-put-elly-krylovoj.html> (дата обращения: 23.11.2024).
7. Крылова Э.Н. Дорога // Зинзивер: литературно-художественный журнал. 2012. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/7/doroga-3.html> (дата обращения: 03.11.2024).
8. Крылова Э.Н. Стихи о Японии // 45-я параллель: сайт. 2020. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/stikhi_o_yaponii/?ysclid=mlrhaw9xx662337639 (дата обращения: 23.11.2024).
9. Нагарджуна. Опровержение идеи Бога-творца и творения Вишну (Ишваракартритва-нираkritир-вишнор-эка-картритва-ниракарана) / пер. В.П. Андросова // Андросов В.П. Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды: в 2 т. / Российская академия наук, Институт востоковедения. М.: Наука – Восточная литература, 2018. Т. 1. С. 289–299.

10. Никадем-Малиновская Э. Духовность в поэзии Эллы Крыловой как эффект амальгамирования ментальных пространств лирического субъекта (на примере сборника стихов «Мерцающий остров») // Laidinen.ru: сайт. URL: <https://laidinen.ru/statja-jevy-nikadem-malinovskoj-o-tvorchestve-jelly-krylovoj/?ysclid=m1rgfmz3n4930283149> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
12. Черашняя Д.И. Осип Мандельштам «Silentium»: возврат или становление? // Филолог: интернет-журнал. 2009. № 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_8 (дата обращения: 03.11.2024).

Сведения об авторе

Дубаков Леонид Викторович – кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне; ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru

SILENTIUM BY ELLA KRYLOVA: (NON)BUDDHIST SILENCE

L.V. Dubakov (Shenzhen, China)

Abstract

Statement of the problem. The article provides a comparative analysis of the eponymous, but essentially different poems by F. Tyutchev, O. Mandelstam, and E. Krylova.

The purpose of the article is to analyze the specifics of the perception of Buddhist epistemological and ontological concepts in Ella Krylova's poetry, as well as the analysis of the intertextual dialogue of her poem *Silentium* with works of similar titles by Tyutchev and Mandelstam.

Methodology (materials and methods). The article, written as part of a large study on the 'Buddhist text' of modern Russian literature, uses methods of hermeneutical, intertextual, and comparative analysis.

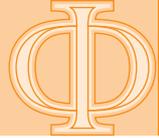
Review of the scientific literature on the problem. The possibility of analyzing Krylova's poem in a selected perspective is ensured by the works of V. Toporov, R. Bekmetov, T. Bernyukevich, and P. Alekseev.

Research results. It is revealed that although each of the analyzed works has the title '*Silentium*' and although certain intertextual connections are found between them, they are different at the level of problematics. Krylova's *Silentium*, claiming to be a new statement based on the Buddhist view about the source, character, process and limit of literary creativity, nevertheless does not follow this view: unlike Buddhism, which speaks about the illusory nature of reality and the possibility of only intuitive cognition of it, the poet asserts the superiority of the reality of living beings over their verbal representation.

Keywords: *Buddhism, Buddhist text, Ella Krylova, Silentium, intertextual connections.*

References

1. Baltin A. Lucid poems of Ella Gremyaka. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/index.html#creation (access date: 20.10.2024).
2. Bekmetov R.F. Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan, Shkola Publ., 2018. 328 p.
3. Berniukevich T.V. Buddhism in Russian literature of the late XIX – early XX century: ideas and reminiscences. St Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2018. 168 p.
4. Seifert E.I. Two silences: 'Silentium!' Tyutchev and Mandelstam's 'Silentium'. Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2022, 2. P. 51–55.
5. Seifert E.I. Volumetricity (multidimensionality) of a work. Does a work have a beginning and a finale? Vestnik RGGU. 2017, 2. P. 7–18. EDN: ZAOXWP.
6. Karpenko A. The middle way of Ella Krylova. Zinziver, 2012, 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/8/sredinnyj-put-elly-krylovoj.html> (access date: 23.11.2024).
7. Krylova E.N. The Road. Zinziver. 2012, 7. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/7/doroga-3.html> (access date: 03.11.2024).

8. Krylova E. N. Poems about Japan. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/stikhi_o_yaponii/?ysclid=m1rhaw9xx662337639 (access date: 23.11.2024).
9. Nagarjuna. Refutation of the idea of God-creator and creation of Vishnu (Ishvara-kartritva-nirakritir-vishnor-eka-kartritva-nirakarana). Tr. V.P. Androsov. In Androsov V. P. Founder of Mahayana Nagarjuna and his works: [in 2 vol.]; Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, Nauka – Oriental Literature Publ., 2018. Vol. 1. P. 289–299.
10. Nikadem-Malinovskaya E. Spirituality in the poetry of Ella Krylova as an effect of amalgamation of mental spaces of the lyrical subject (on the example of the collection of poems ‘Shimmering Island’). URL: <https://laidinen.ru/statja-jevy-nikadem-malinovskoj-o-tvorchestve-jelly-krylovoj/?ysclid=m1rgfmz3n4930283149> (access date: 20.10.2024).
11. Toporov V.N. Petersburg and ‘Petersburg text of Russian literature’. In Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected. Moscow, Publishing Group ‘Progress’ – ‘Culture’, 1995. P. 259–367.
12. Cherashnyaya D.I. Osip Mandelstam ‘Silentium’: return or becoming? Philologist: Internet journal. 2009, 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dopub_8_8 (access date: 03.11.2024).

About the author

Dubakov, Leonid V. – PhD (Philology), Associate Professor, Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, China); ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru